

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНО - КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ БЕЛАРУСИ

*"Мы стали пленниками собственной
риторики, сложенного нами мифа о деньгах"
(Ч.Б.Хэнди. В кн.: Новая постиндустриальная
волна на Западе/Под ред. В.Л.Иноземцева. М.,
1999. С.168)*

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Особенность современной реформы, которая мучительно тянется уже более десяти лет в том числе и в нашей республике, проявляется прежде всего в ее системном характере, поскольку изменениями охвачены буквально все базовые институты общества. Но как не завершилась выработка идеи белорусской государственности, так и не достигнуты до сих пор переходящие из года в год многие более конкретные цели. С этой точки зрения, мягко говоря, удивляет легкое отношение к теоретической экономике, к самой процедуре научных разработок, выводам стратегического характера не только существующего института власти, но и самих ученых, имеющих кроме всего прочего еще и разные политико-идеологические ориентации. Первое на что можно обратить внимание, так это на тот современный мир экономики, который далек от совершенства, а, следовательно, и от некой гармонии, которую мысленно представляют себе ученые и политики. Рубеж нового века и тысячелетия уже достаточно явственно кристаллизует целый спектр различного уровня и остроты проблем, которые охватывают не только постсоциалистические или же развивающиеся государства, но и немногочисленную группу стран индустриально развитых, выступающих сегодня некоторым образцом для подражания молодым независимым государствам. Парадокс же ситуации состоит в том, что модель этих «образцовых» стран начиная еще с середины 60-х годов достаточно обоснованно и решительно подвергается сомнению не только в части достигнутых результатов, но и в самом фундаменте общественно-экономического устройства, основанного на спонтанном «рыночном порядке».

СТОИМОСТЬ, ДЕНЬГИ, КАПИТАЛ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Стержнем капиталистической системы хозяйства ¹ выступает стоимость, прошедшая в своем естественном развитии от простого товарообмена (бартера в современном понимании) до денег со всеми функциями и их различными видами. Возникновение экономического института денег ² дало старт экономической цивилизации, основанной на феномене капитала в целом и банковского в том числе. Банковский же капитал на этой стадии носит пока подчиненный характер, а адекватной сферой развития капитала как явления выступило промышленное производство в его такой функциональной как производительный капитал, где в полной мере могла проявить себя частная собственность и конкуренция. Но именно последняя своим противоречивым действием порождает институт монополии (корпорации), подорвавшей не только конкуренцию, но и пронизавшей всю структуру отношений рыночного хозяйства. Пока традиционные экономисты (неоклассики) изощрялись своими моделями в борьбе против якобы «инородной» для рынка монополии, Э.Чемберлин, Дж.Робинсон и др. обосновывают ее имманентность для индустриально-капиталистической цивилизации. А.Хабергер несколько позже доказывает, что потери от монополии для экономики США составляют лишь 0.5-2% от ВВП, чем приводят в шок все научное сообщество [1. С. 656]. Выгоды же от монополистических структур здесь не принимались в расчет [2].

¹ Мы придерживаемся той точки зрения, которая высказывается как зарубежными, так и отечественными авторами, что понятие "капиталистическое хозяйство" значительно шире понятия "рынок", поскольку отражает многие другие институционально-исторические признаки развития экономической цивилизации, а не только общие принципы устройства и функционирования экономики.

² Принципиальная ошибка отечественных макроэкономистов состоит в том, что они подходят к деньгам лишь как известным из трактовки популярных учебников денежным агрегатам, которые используют в своих расчетах. Но все расчеты и выводы по монетарной политике в том числе имеют смысл лишь тогда, когда исследователь правильно определяет сущностную природу денег. Можно обратить внимание на название известной работы Кейнса "Общая теория занятости, процента и денег", в которой он преодолевает бытовавшую на тот период классическую дихотомию о нейтральности денег. О том, что деньги – это институт по определению, свидетельствует возникшая вместе с ними новая утилитарная норма поведения людей, ориентирующая на интенсивное накопление богатства в весьма феноменальных стоимостных формах, которые стали поддерживаться и закрепляться политико-правовой средой. "Новые" деньги и их формы имеют и новые функции, которые меняют и мотивацию, установки политико-экономических агентов.

Финансовый капитал отражает совсем иную стадию развития рыночного хозяйства, поскольку в утилитаристскую модель поведения хозяйствующего субъекта встраивается спекулятивная компонента, изменяющая критерии и сам механизм регуляции социально-экономических отношений. Финансовый капитал можно сравнить со второй производной (деньги - первая) от того первоначального понятия «экономика», которое вкладывали в него Аристотель и классики. Финансовый капитал с его спекулятивной логикой поведения усиливает источник нестабильности и кризисов [3. С. 50]. Кейнс писал: "Превращение предпринимателя в спекулянта - это удар капитализму, ибо он разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов... Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им». [4. С. 100].

Средняя норма прибыли не только оправдывает существование капитала, но и выступает ориентиром, общественно признанным мотивом производительного капитала, что цементирует экономику рыночного типа. Но из-за резких колебаний нормы прибыли в финансовом и реальном секторе экономики, предприниматель (особенно мелкий) теряет в целом устойчивость своего экономического положения, постепенно отходя от своих нормальных дел, также примыкая к финансовой пирамиде законного и незаконного типа образования. Здесь уместно вспомнить известное изречение Маркса о 300% норме прибыли, после которой снимаются все ограничения для возможных преступлений капитала. Государство, центробанки, кредитно-банковские учреждения и другие финансовые институты, сконцентрировав политико - экономическую власть, усиливают ее, проводя в жизнь необходимые политико-правовые акты и законы, достигая своих незамысловатых, но вполне осязаемых спекулятивных денежных целей. Конкуренция здесь переходит из экономического поля в поле политическое, детерминируя коррупцию как естественную сделку между финансистами и политиками, где взятка выступает всего лишь ценой услуги.

Учитывая, что норма прибыли на театре политических действий опережает даже уровень доходов от наркобизнеса и алкоголя, а общественная полезность от такого политического бизнеса стоит на грани национальных интересов, то возникает весьма остро проблема общественного надгосударственного контроля за деятельностью во всей области политики. Наиболее влиятельными институтами такого уровня кроме финансовых выступают институты, работающие с таким продуктом как информация, соответствующей техникой, программным продуктом, глобальными сетями. Принимая какое-то очень важное для себя решение, правительство любой страны уже не может не обращаться для полноты сведений к этим информационным структурам в прямой или косвенной форме (к косвенным видам можно отнести используемые программы, технику, подключение к некоторым банкам данным). Естественно, решение принимается как бы национальным правительством или бизнесом, но исходя из имеющейся дозированной и целевой информации.

Информация в настоящее время эквивалентна деньгам, а деньги синтетической информации. И это вовсе неспроста, поскольку собственно «банки» как хранилища универсального общественного богатства срослись с "банками данных" ³. Возможным такое сращивание оказалось благодаря новой информационной функции денег, которые они стали выполнять переходя этап бумажных и записи на счетах в банках к электронному виду. Информационный сектор экономики, который в развитых странах начинает охватывать до 70% занятых, требует принципиально иных подходов как к ценообразованию на продукт этой отрасли, так и отношениям собственности, распределения, организационно-правовым формам, всей системе общественных отношений. [5. С. 327-371].

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ФИНАНСОВЫЙ МИР И ВИРТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Экономическая наука на сегодняшний день сосредотачивает свое внимание на следующих направлениях глобализации: функционировании финансового рынка,

³ Понятия "тезаурация" и "тезаурус" имеют общий корень thesauros /греч./, что в переводе означает "сокровище" и "полный систематизированный набор данных".

информационной мировой сети, сформировавшимся и развивающимся ТНК, регионализации экономики, интенсификации мировой торговли через электронные формы коммуникации и виды расчетов, тенденции к конвергенции⁴. Опустим пока смятения, царящие в самой экономической науке, возникшие в связи с процессом глобализации "запутанного порядка". Обратимся пока лишь к финансовому проявлению глобализации. Дело в том, что ныне кроме мощного влияния мировых финансов на все происходящие экономические процессы изменился сам подход и методология в экономической науке. Сложный мир - экономики стал рассматриваться сквозь денежную призму, распространяя денежные оценки даже на те области, которые никак с ними не соотносятся.. "Экономическая теория, -- пишет Дж. Сорос, -- верна в качестве гипотетической конструкции, в которой рефлексивность отсутствует. Когда мы применяем экономические теории к реальному миру, то мы можем получить искаженную картину. Это особенно заметно на финансовых рынках, где рефлексивность играет важную роль. Теории рациональных ожиданий и эффективных рынков являются глубоко неверными" [6]. Уже в своей другой работе король финансов отмечал:"...Финансовая гипотеза не должна быть истиной для того, чтобы быть прибыльной, достаточно, чтобы она стала общепринятой. Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго... Деньги узурпировали роль подлинных ценностей" [7. С. 24,101]. Общим результатом проведения политики финансового фундаментализма явилась виртуальная экономика. Мир финансов стал к концу XX века практически самостоятельным автономным космосом, утратившим прямую зависимость от физической экономической реальности. На планете уже сформировалось самостоятельное номинальное поле разнообразных валютно-

⁴ Впервые о глобализации (globe - земной шар) заговорили американцы в начале 80-х годов 20-го века.. Консультант Гарвардской школы бизнеса японец К.Омэ опубликовал в 1990 году книгу "Мир без границ" (Ohmae K.The Borderless World: Power in the Interlinked Economy. Fontana, 1990). В ней он утверждал, что экономический национализм отдельных государств не имеет смысла, поскольку мировая экономика к концу века определяется взаимозависимостью ТНК и влиянием трех центров: ЕС, США и Японии. Термин «глобализация» появился, правда, еще в начале 60-х годов в работах канадского социолога и историка Мак-Луана.

финансовых операций с фантом - деньгами, обусловивших противоречивое столкновение этой квазиэкономики с экономикой реального сектора. Банк международных расчетов оценил объем производных финансовых инструментов в мире на конец 1997 г. в 103 трлн. дол., а на конец 1998 г. эта цифра уже выросла до 150 трлн. дол. За три осенних месяца 1998 г. ФРС США было напечатано 13.8 млрд. дол., а общий объем наличных денег в обращении составил 457.9 млрд. На тот же момент показатель денежной массы M1 равнялся 1112.7 млрд., M2 - 4380.8 млрд. и M3 - 5940.1 млрд. дол. [8. С. 57]. Нобелевский лауреат М.Алле еще в 1992 году в работе «Монетарные условия рыночной экономики» отмечал, что мировая экономика как целое опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов, которые находятся в весьма сложном равновесии. Спекуляция с валютами или спекуляция на фондовых рынках свидетельствует, что мир стал одним огромным казино с игровыми таблицами, распределяемыми по всем широтам. Генерируется перманентная потенциальная нестабильность и растущее разъединение между финансовой системой и реальной экономикой [9. С. 16]. Стремительно растущие дефициты и государственный долг, который, например сегодня в США превышает более 5.5 трлн. дол., создают у многих экономистов представление о том, что "государства в настоящее время живут в бюджетной тюрьме, из которой нет выхода [10. С. 216].

Дело даже не в том, что виртуальная финансовая экономика и накопленный государственный долг создали условия для мирового экономического неравновесия. Парадокс ситуации в том, что сама кризисность мира обеспечивает пока еще внушительную доходность финансовому капиталу, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках. Глобальная игра на мировом уровне не заканчивается, если клиент проигрывает и оказывается в долгах. Ему предлагается следовать «кодексу должника», чтобы выйти из сложного кризисного положения. Для уплаты своих "карточных долгов" предлагается известный кредит stand-by (в перев. с англ- горячий сторонник, опора),

выдаваемый уже под гарантии всего государства, т.е. общества, но с обязательными многочисленными требованиями.

Осознавая вероятность грозящей катастрофы, вина за которую возлагается на МВФ и другие соответствующие финансовые институты, Дж.Сорос все-таки предлагает превратить МВФ в "нечто вроде международного центрального банка" [15]. М.Фридмен также пишет: "Финансовый кризис в экономиках Восточной Азии был порожден комбинацией трех составляющих элементов: застоя в Японии, привязки центральными банками обменного курса национальных валют к американскому доллару, а также существования и политики МВФ" [16].

Политэкономия Смита, Рикардо, Маркса сделала поистине революцию в теории экономики, обосновав вклад в национальный доход и богатство фактора труда, используя категории стоимость, абстрактный труд, производительный и непроизводительный труд. В структуру ВВП, обоснованием которого выступила неоклассическая теория, начали включать и разного рода услуги. Однако с институциональной точки зрения весь финансовый сектор попадает уже в разряд транзакционных отраслей [11]. Транзакционные издержки - это издержки по эксплуатации экономики рыночного типа или, иначе говоря, это усилия по преодолению "трения" в этой экономической системе. Таким образом, согласно теории институционализма эти услуги не создают общественного полезного эффекта, а несут лишь дополнительные издержки по обслуживанию всякого рода транзакционных сделок и защите правомочий собственности и свобод. Следовательно, они по сути должны вычитаться из ВВП, а не суммироваться в качестве общих составляющих реального сектора экономики [12. С. 102; 13. С. 11]. К тому же глобальные финансы ограничивают национальный суверенитет и экономическую политику государства. [14. С. 55- 58].

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ КРЕДИТНО- БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЛАРУСИ

Первые институциональные преобразования инициированных "сверху" реформ начались непосредственно с банковского сектора созданием коммерческих банков, получением льготных кредитов от "своих" банков, учреждением разного рода частных «пустых» фирм. и т.п. В результате этих хотя и простых, но все же "изящных" операций например, в Беларуси через инфляционные кредиты было конфисковано около 20 (!) млрд. дол. сбережений только населения республики, которые были ими накоплены на 1 января 1990 г. Это был не только первый передел собственности, но и по сути начало разрушения институционального и экономического равновесия. В реальный сектор экономики была заложена основа дестимулирования, поскольку перераспределение собственности и доходов обусловило значительное отклонение от известного равновесия по Парето. Естественно, это был основательный шаг по подрыву доверия к республиканской валюте и банковской системе. Национальный Банк как политико-монетарный институт на тот период еще не занял своего подобающего места в общей структуре государственных институтов управления, что позволило коммерческим банкам воспользоваться деньгами как общественной собственностью. "Ремесленников и кузнецов, -- пишет Ф.Хайек, -- боялись из-за того, что они занимались преобразованием материальных субстанций; торговцев боялись из-за того, что они занимались преобразованием такого неосязаемого качества, как ценность. Насколько же сильнее люди должны бояться банкира, совершающего преобразования с помощью самого абстрактного и бестелесного из всех экономических институтов?!" [17. С. 179].

Следующим шагом разрушения национальной кредитно-денежной системы было использование оборотных средств крупных белорусских предприятий для открытия новых банков. Здесь сработал тот же спекулятивный эффект, когда использование денег как банковского капитала стало более выгодным, чем использование их в качестве оборотного. С одной стороны, предприятия сразу нарушили свой производственный режим работы со

всеми вытекающими отсюда последствиями, а с другой -- та же производственная необходимость подталкивала их брать «свои» деньги, но уже под проценты. Но как установлено, есть прямая зависимость между увеличением банковских кредитов, падением производства и ростом безработицы [18].

Банки, пользуясь своим монопольным правом аккумулировать ликвидные средства клиентов и гонясь за сиюминутной выгодой, часто не выполняли и не выполняют распоряжений своих клиентов о переводе денег со счета на счет за какие-то экономические сделки, чем существенно также дестабилизируют кредитно-денежную систему. Мало того, что здесь нарушаются элементарные права собственников, так задержкой по оплате счетов нарушился воспроизводственный цикл. Задержки же заработной платы не обеспечивают практической реализации потенциального совокупного спроса со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Начатые трансформации стартовали безо всякого теоретического и планового начала в режиме спонтанности, политической конъюнктуры и известного «шока». Следствием этого стало разрушение институционального капитала. Добавилось сюда противоречие импортируемых институтов с внутренне присущими, например, для Беларуси институтами. Все это способствовало возникновению и росту транзакционных издержек, размер которых значительно превысил полезный эффект от проводимых реформ.

Сложившийся же практически во всех постсоциалистических государствах политико-банковский альянс, как наиболее влиятельная сила, своим неустойчивым положением формирует и соответствующую спекулятивную и рискованную финансово-денежную политику, чем еще более дестабилизирует и дезориентирует по многим направлениям весь производственный сектор экономики и поведение домохозяйств.

Не способствует институциональной стабилизации и экономическому равновесию также белорусская национальная валюта в силу своей некой условности – у.е. Парадокс

состоит в том, что в самом названии "расчетный билет", которым обозначена денежная единица Беларуси, уже закладывается основа для того, чтобы относиться к ней как к временному и где-то условному счетному средству, но не как к перспективной национальной валюте, выполняющей все известные функции фидуциарных денег. Постоянно же культивируемая годами мысль об объединении валют с Россией создает еще большие условия для недоверия к своему расчетному билету с его крайне ограниченными функциями. Норма же доверия - это сложная, тонкая, но очень важная институциональная категория, которая является продуктом многих составляющих факторов и которую далеко не просто восстановить или воссоздать на другой политической и социально-экономической основе. Множественность курсов любой валюты порождает симптом нескольких измерений, что постоянно размывает не только какие-то нормы поведения хозяйствующих субъектов и граждан, но не дает возможности более менее верно определить, например, реальную эффективность. Валютная компонента, как насос, вытягивает из республики "сеньорский" доход, сопровождающий эмиссию любой валюты.

Неустойчивая денежная единица подталкивает хозяйствующих субъектов к имплицитным контрактам, которые четко не специфицируют права и обязанности сторон и не стимулируют их на соблюдение условий принятых соглашений. Как правило, в этих контрактах наиболее сильная в экономическом отношении сторона находится в более выгодном положении, что в зависимости от ситуации как бы дает ей основание для нарушения условий договора. Размытость же самих условий этого вида контракта как по времени, так и по обязательствам, затягивает возникающие в таких случаях судебные тяжбы, делая соответствующие решения непредсказуемыми и часто далеко не праведными. Для установления же справедливости оговоренных условий в контракте используются неформальный институт "третейского суда" в виде рэкета или "помощи" преступных авторитетов.

Свою немалую отрицательную роль сыграли в общественной дестабилизации через финансовую сферу возникающие в начале 90-х годов страховые компании, общая численность которых уже к середине этого десятилетия доходила до сотни фирм. Однако как альтернатива прежнему институту защиты и стабилизации страховые компании так и не стали. Поэтому само государство вынуждено обременять себя активной социальной политикой в ущерб своим другим важным функциям. Проводя экономическую политику на рыночные преобразования, надо четко иметь в виду, что институт страхования - неотъемлемый элемент всей экономической системы, выступающий кроме всего прочего одним из главных источников формирования сбережений, а следовательно, и инвестиций.

Инвестиционные фонды и компании в республике в силу своей крайне слабой активности также не заняли должного места в институциональной инфраструктуре. Их создание часто носило заранее спекулятивный характер и состояние неопределенной деятельности в перспективе. Из 182 профучастников рынка ценных бумаг, зарегистрированных на начало 2000 г., в качестве инвестиционных фондов кое-как действуют только 15. 161 профучастника занимаются, а лучше сказать предполагают заниматься, посреднической деятельностью [19]. С 1996 г. за бездеятельность и за нарушение устава было аннулировано 27% лицензий. Неразвитость фондового рынка обусловлена в первую очередь вялотекущей динамикой производственного сектора. Суммарный объем торгов по облигациям и ценными бумагами на фондовом рынке республики за 1999 г. составил 466.2 трлн. руб. при 20 611 сделок. Если учесть множественные транзакции, характерные для этой сферы, то это совсем небольшой объем. Но уровень доходности по этим видам ценных бумаг составил 66.12%, а по РЕПО - 60.71% [20, с. 73]. Сумма торгов по государственным ценным бумагам и ценным бумагам НБ РБ приблизилась к 767.98 трлн. руб. при 16 765 операций. Слабая развитость фондового рынка Беларуси имеет как положительные, так и отрицательные стороны. В частности, нынешнее

аморфное состояние рынка ценных бумаг несколько смягчила последствия августовского финансового 1998 г. кризиса, но не способствует генерации инвестиций.

Кредитно-банковская и финансовая системы Беларуси на текущий период представляет собой в некоторой степени достаточно слабую и в силу этого относительно замкнутую сферу экономической деятельности. Из 50 банков, работавших в 1996 году, к началу 2001 г. осталось лишь 26 с 548 филиалами на всю республику. Только 22 из оставшихся выполнили необходимые мероприятия по увеличению уставного фонда до 2 млн. ЭКЮ. Можно строить различные рейтинги надежности по домашним и европейским методикам, но даже по курсу НБ на одного жителя республики приходится всего лишь 18 дол. собственного капитала банков (на 1.11.1999г.- 188.8 млн.дол). Уставного же фонда (объявленного) почти в два раза меньше. Всего же выдано за 1999 год кредитов народному хозяйству и физическим лицам 459782.4 млрд. руб, что даже по официальному курсу НБ составляет 109.2 дол. на одного жителя Беларуси. Сложилась крайне напряженная ситуация и с национальными валютными резервами, выступающими материальным основанием стабилизации денежного обращения. К примеру, на 1.10.96 г. они составили 106.1 млн. дол. США, а сегодня лишь около 40 млн. дол.

«Профессиональная» деятельность банковского сектора привела за последние пять лет к потере собственного капитала также почти в два раза, который в 1996 году эта цифра равнялась примерно 350 млн. дол. Поэтому вмешательство со стороны государства относительно необходимости увеличения уставных фондов банков является необходимой мерой в том числе и для жизнедеятельности самих банков. Ведь стоимость невозвращенных кредитов только в валюте на ноябрь 1998 года составила 120.3 млн. дол. и 17.2 млн. DM. [21]. Активная политика на возвращение полученных кредитов потребовала возбуждения 490 уголовных дел, из которых на начало 2000 г. осталось в производстве 140. Таким образом, к февралю текущего года возвращено лишь пока около половины сомнительных

кредитов, что для банковской системы Беларуси является весьма внушительной суммой. И хотя, как правило, банки в текущей финансовой отчетности по вполне понятным причинам стараются не показывать точной информации относительно сомнительных кредитов, их доля по республике на начало года составила 16.7% всей суммы кредитов в 386776.3 млрд. неденоминированных руб., выданных народному хозяйству.

Достаточно ограничена возможность выбора банка для руководителей предприятий в РБ. Как показывают социологические исследования, более менее осмысленно принимает решение только 60 % руководителей. Остальные же, открывая счет, основывались на территориальной близости банка, уровне оплаты за услуги. Многие принимали такое решение случайно. Однако почти половина опрошенных руководителей белорусских фирм не удовлетворены полностью или частично своими отношениями с банками. 6% из них уже подыскивают себе другой банк [22].

Клиенты банков высказывают недовольство тем, что по-прежнему задерживаются расчетные операции, получение же кредитов связано с большими трудностями и потерей времени на оформление документов. На это обратили внимание 20% опрошенных, на неподъемный залог при оформлении кредитов - 81%, на нереальный срок возврата - 45.4% респондентов. Все это также увеличивает как внутренние, так и внешние, альтернативные и фактические, издержки разного рода экономических агентов в отдельности и общества в целом.

БАНК КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ИНСТИТУТ

Банк -- это переходный институт, который в зависимости от естественноисторических условий, сложившейся системы хозяйственных отношений и формы политической власти может проводить как спекулятивную стратегию, разрушающую производственный сектор, так и осуществлять под общественным контролем и вместе с другими институциональными структурами управления мероприятия, направленные на генетическую связь с действительной экономикой или, как сейчас принято говорить, реальным сектором. Ситуация в нашей банковской системе подобна американской, где

также нарушены нормальные экономические отношения между различными секторами экономики и гражданами. Американские экономисты пишут: "Банкиры утверждают, что их отношения с деловым миром сейчас не такие тесные, как в прошлом. Отношения по типу "домашнего банка" (эпоха банк. капитала - прим. П.Л.), которые были настолько сильны, что могли крепко привязать к определенному банку, сильно ослабли, так как компании стали более непостоянными, часто меняют условия займов и более склонны к использованию ценных бумаг" [23. С. 315]. Противоречие отечественного переходного периода заключается кроме всего прочего и в том, что, приняв во многом, безусловно, не отработанную в теоретическом отношении социально ориентированную модель экономики, мы механически приняли неадекватную ей упрощенную двухуровневую американскую кредитно-банковскую модель. Председатель же правления крупнейшего чешского банка "Komerční Bank" З.Зальцман сказал: "Мы говорим по-английски, принимаем советы американцев. Но ...мы идем к германской системе [24. С. 11]. Иначе говоря, европейская модель банковской системы, имея свойственные универсальные кредитно-финансовым учреждениям законы и нормы поведения, все же в целом вписывается институциональный контекст традиционной западной цивилизации, придавая ей динамизм и развитие.

В условиях радикальных трансформаций, сопровождаемых инфляцией и падением курса национальной валюты, возникает сильный "информационный шум", искажающий количественные и качественные параметры всего сложного спектра хозяйственной жизни в настоящем и прошлом. Затрудняется также работа по прогнозу и оценке перспектив развития в будущем. Сегодня никто не знает действительных национальных активов, структуры богатства с его общественными формами, которые всегда необходима знать для выпуска устойчивой национальной валюты, пользующейся экономически обоснованным доверием внутри государства и за его пределами.

Национальной банковской системе РБ выгоднее получать свою "маржу" на различных операциях, сотрудничая на невыгодных для республики условиях с финансовыми международными структурами. Главный критерий здесь в поведении -- норма доходности. Риск же возможно и будет учтен национальным финансовым органом, но в пропорции привлеченный/собственный капитал. Именно эта пропорция определяет и

степень переходности института банковской системы любого государства. Например, на 1.01.2000г. в РБ соотношение всех ресурсов к уставному капиталу банков составило как 6:1. Это значит, что банки, рискуя всем капиталом (или только "чужим", привлеченным), в случае выигрыша могут распространить его на весь используемый капитал. В случае же проигрыша в таком состоянии оказываются те же вкладчики да, как правило, мелкие держатели акций. Последние слишком неорганизованны, чтобы повлиять на принятие решения именно в их пользу, а не в пользу крупных акционеров и управляющих. Ситуация банкротства белорусских банков "Сож", "Магнат", "Дукат", "Поиск", БелБалтия подтверждают это в полной мере.

Эти факты приводятся для того, чтобы подчеркнуть, что ставка рефинансирования, к которой обращается НБ РБ как некому универсальному инструменту регулирования денежной массы и, следовательно, стимулирования сбережений, может иметь положительные реальные последствия лишь при установлении и не нарушении в долгосрочном периоде весьма казалось бы далекой от экономики нормы как д о в е р и е. Высокая же ставка банковского процента при высоком уровне инфляции никак не способствует установлению доверия к национальной валюте, поскольку ориентирует на будущие инфляционные ожидания. Так же из-за "ликвидной ловушки" не срабатывают и механизмы регулирования денежного, инвестиционного и товарного рынков. Производственный же сектор начинает "сжиматься" и ограждать себя от банковского сектора с естественной целью технологического выживания.

Парадоксальность ситуации в том, что именно банковская система своими действиями дает старт развитию инфляционной спирали и колебания валютного курса. Но достигается равновесие в этой сфере на основе формирования д о в е р и я к д е й с т в и я м п р а в и т е л ь с т в а целым рядом мероприятий, имеющих различную направленность, механизм и временной лаг воздействия [25 С. 137-141]. На конец 1998 г. НБ РБ доверяли

всего лишь 29.2% опрошенных [26; 27]. Предельно же допустимый уровень доверия считается 33.3%, ниже которого любые проводимые мероприятия не имеют смысла из-за высокого риска проигрыша [28]. А чем больше величина потенциального проигрыша по отношению к величине потенциального выигрыша, тем выше должно быть доверие. Интересно, что на тот же период только институт религии имел максимальный уровень доверия в 72.0%, а самый низкий Совет Республики - 21.9%. Доверие к институту Президента высказали 60.3% опрошенных, к правительству республики 46.6% и к Палате представителей 22.3%. И это было еще в то время, когда как бы процесс роста шел на подъем.

НОРМА ПРИБЫЛИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ – БАЗОВЫЙ КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ

Для стимулирования реального сектора экономики надо исходить не из учетной ставки банковского процента, как некой нормы поведения экономических агентов, а возможной нормы прибыли на затраты промышленного капитала [29. С. 298]. Именно с этого этап развития промышленного капитала в свое время. Сегодня корректив может быть тот, что норма доходности предприятий высокотехнологичных отраслей должна служить критерием эффективности и ориентиром для цен на другие товары, заработную плату, налоги, трансферты и пр. Исторически сложившаяся структура технологических способов производства экономики Беларуси, профессионально-квалификационный уровень выдвигает именно этот критерий. Именно отрасли высоких технологий обеспечивают конкурентные преимущества, а следовательно, прогресс, развитие и благополучие. К тому же с институциональной точки зрения мы должны учитывать, что, как и в 3.Европе, где деньги есть всего лишь средство, а жизнь - цель, в белорусском обществе монетарная мотивация с соответствующим поведением и организацией общества никогда не станет доминирующей жизненной стратегией.[38] Социологические исследования указывают на далеко не монетарную структуру предпочтений белорусского населения: [30. С. 16].

Банковский процент не является всеохватывающим и поэтому "не цепляет" и основных агентов сбережений - население. Ведь отношение средней заработной платы (номинальной) к скудному минимальному потребительскому бюджету в целом по народному хозяйству за июнь 1999 г. по республике составило всего лишь 119.9%. Даже у банковских работников эта постоянная пропорция кратная 2.7 раза.

Проводя политику на сбережения, следует ориентироваться не только на размер доходов, но и на конкретные слои, классы населения, его место жительства, профессию, формы доходов и многое другое, что конкретизирует проблему "склонности" к сбережениям и потреблению. Сбережения и инвестиции хотя и разные, но достаточно взаимосвязанные между собой процессы в том числе и организационно.

Еще более актуальным представляется углубление весьма сложного понятия "инвестиционный процесс", куда входит мотивация осуществляющих непосредственное внедрение инвестиций, источников финансирования, организационных мероприятий и пр. О том, что это так, свидетельствует существование на 1.01.2000 г. 23.4 тыс. недостроенных в республике объектов, которых еще год назад было 20.9 тыс. [35]. При жестком дефиците финансовых ресурсов для Беларуси это крайне внушительная цифра. Она указывает на незамкнутость сберегательно-инвестиционного цикла, который имеет место в республике, и на неэффективность проводимой кредитно-денежной политики в этом направлении.

Если говорить о направлениях инвестиций, то следует принимать в расчет исследования Э. Денисона. Согласно его экспериментальным проверкам получается, что повышение только общего образовательного уровня способствовало росту дохода на душу населения на 15 проц. в США, на 5 - в Западной Европе, на 12 в Англии, а в пересчете на одного занятого соответственно 22, 6 и 17%. Такая "человеческая" направленность инвестиций совпадает с классической идеей А.Смита, который утверждал, соединяя нравственно-этическое, культурное начало человека с его экономическим основанием, что

та система имеет тенденцию к перспективному развитию, в которой наблюдается увеличение численности населения. Г.Беккер более предметно высказался относительно влияния знаний на экономический рост: "Когда разрушается слишком большой объем знаний, экономика теряет основы для дальнейшего накопления знаний, либо воплощенных в людей, либо реализованных в технологиях, -- а этот фактор является принципиальным условием экономического роста" [36].

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Во-первых, экономика Беларуси, как впрочем и экономики других стран, выходит далеко за пределы законов функционирования "денежной экономики". Монетарный угол зрения далеко не воспроизводит в полной мере все происходящие социально-экономические процессы. "Если исключить несколько коротких счастливых периодов, -- пишет Ф.Хайек, - можно сказать, что история государственного управления денежной системой была историей непрекращающегося обмана и лжи" [37. С. 181]. Во-вторых, переходные процессы, в которых подвергаются трансформации базовые институты экономики и общества, тем более невозможно объяснить и спроектировать их развитие в будущем, которое бы в равной степени представляла условия для стимулирующего поведения всех хозяйствующих субъектов, а не только институтов денежно-кредитной и финансовой сфер. В-третьих, образовавшаяся дихотомия между реальным и финансовым секторами, создавшая последним огромный риск для глобального всеобщего кризиса, ориентирует при слабой отечественной кредитно – денежной системе на взвешенную рациональность при проведении национальной экономической политики. В-четвертых, стабилизация белорусского рубля, равно как и цен, требует более широких мероприятий, выходящих за пределы денежных агрегатов и чисто экономического поля. В – пятых, белорусским кредитно-денежным институтам необходимо смириться с тем, что они по вполне объективным причинам должны попасть под разумный общественный контроль в своей

деятельности. В нынешних условиях в большей степени требует этого «выживаемость» самих банков В - шестых, поскольку в нашей общественной системе произошло нарушение законов институционального равновесия с законами денежной экономики и реального производственного сектора, то, нарушился целостный воспроизводственный цикл со всеми вытекающими отсюда последствиями. В-седьмых, высокая степень интеграции мировой экономики, проявляющаяся по многим направлениям и частью которой является экономика Беларуси, объективно ограничивает национальный суверенитет. Отсюда должна вытекать и соответствующая взвешенная, прагматичная и целенаправленная внешняя экономическая политика с определенным набором функций государственного управления. Фактом остается то, что источники экономического роста находятся даже не на границах между государствами, что обнаружило и подтвердило себя еще в конце 50-х гг. а, точнее сказать, на границах искусно построенной политико-экономической доктрины по деятельному определению своего места в мировой экономическом пространстве. Накануне XXI века мир-экономика представляет собой сложную нелинейная адаптивную систему, которая похожа скорее на социальную психобиологическую, нежели на механическую систему. Естественно, она требует к себе и внимания с адекватными инструментами анализа, чтобы, говоря экономическим языком, извлечь необходимую из нее энергию для устойчивого развития и роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шерер Ф. М., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997.
2. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
3. Буайе Р. Теория регуляций. М., 1997.
4. Кейнс Д. М. Трактат о денежной реформе // Избранные произведения. М., 1993.
5. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием // Новая постиндустриальная волна на Западе/Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
6. Сорос Дж. Сорос о Соросе. М., 1996.
7. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.
8. Философия хозяйства. 1999. N2.
9. Чибриков Г. Г. Взаимодействие финансовой системы и реального производства в современном мире//Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1999. N6.
10. Thurow L. The Future of Capitalism. N. Y., 1996.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; Шаститко А. Е. Неинституциональная экономическая теория. М., 1998. С. 206-207.

12. Wallias J.J., North D.C. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970//Long-term factors in American Economic Growth.Ed. by Engerman S.-Chicago, 1987.
13. США : Экономика. Политика. Идеология. 1999. N 10.
14. Обухов Н.П. Глобализация и возникновение новых направлений в экономической науке: геоэкономики и геофинансов //Финансы.1999.N 12.
15. Сорос Дж. Как предотвратить следующий кризис//Белорусская газета.8 февраля 1999 г.
16. Фридмен М. Уроки финансового кризиса//Независимая газета. 23.10.1998.
17. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М.,1992.
18. Адам Я. Инфляция и безработица//В.Э.1991.N1.
19. "БФР". 2000. N2.
20. "БФР". 2000. N1.
21. "Р".10.11.1998.
22. "Р".17.02.2000.
23. Энг М.,Лис Ф.,Мауер Л. Мировые финансы. М.,1998.
24. Беларусь в региональном контексте// Belarus Monitor. Мн., 1998.
25. Олейник А. Норма как базовый элемент институтов//В.Э.1999. N2.
26. "Р".29.02.2000.
27. "7 Дней".21.11.1998.
28. Олейник А. Издержки и перспективы реформ в России//МЭиМО.1997. N12.
29. Рикардо Д. Начало политической экономии и налогового обложения. Соч.Т.1.М.,1955.
30. Соц. политика Беларуси//Belarus Monitor. Мн., 1999.
31. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Т.1. М.,1997.
32. Очерки политической экономии. Мн.,1999.
33. "Р".03.07.1996.
34. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
35. "Р".26.02.2000.
36. Васильев В.С.//США :Э.П.И.1996. N 4.
37. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М.:Новости,1992.
38. Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб, 1998.